

Схииепископ Петр (Ладыгин)

Схииепископ Петр (Ладыгин), один из известнейших в православном мире уроженцев Глазовской земли, вошел в историю как сподвижник Патриарха Тихона. В городе Глазове схииепископ Петр родился, и здесь же завершился его долгий и полный испытаний жизненный путь.

В судьбе владыки нашла свое полное отражение бурная и трагическая история Русской Православной Церкви в XX веке. О личности и жизни Петра существует немало противоречивых рассказов и легенд. Сама его

биография порою напоминает то евангельское житие, то приключенческий роман.

Детство и юность этого незаурядного человека прошли в селе Селег, в 80 верстах от уездного города Глазова. Его родители - крестьяне Трофим и Феодора Ладыгины, были людьми бедными и благочестивыми. В 1865 году они совершили паломничество в город Слободской - поклониться недавно обретенной чудотворной иконе Божьей Матери «В скорби и печали Утешение». Через год – 1 декабря 1866 года (по старому стилю) – у Ладыгиных родился сын. При крещении мальчик получил имя - Потапий.

О своем детстве схиерепископ Петр вспоминал так: «Восьми лет я начал учиться от священника старичка отца Павла. Школ у нас еще не было. Ходил я к нему две зимы. Вот и все в юности моей образование. В 1875 году привезли к нам с Афона эту икону Божьей Матери «В скорби и печали Утешение». Мне было 10 лет. Я настолько к ней прилепился, что когда приходил в церковь, и брали икону служить молебен, то у меня всегда текли слезы, - что-то влияло необыкновенно».

Когда Потапию исполнилось 18 лет, отец надумал женить его как старшего сына в семье. Несмотря на свое нежелание жениться, парню пришлось подчиниться воле отца. Через год после свадьбы Потапий на рыбалке застудил ноги. Начался жестокий ревматизм. Юноша не мог встать с постели все лето, пока его не вылечил старичок-странник. Но очень скоро в семью Ладыгиных приходит новая беда. После чудесного исцеления Потапия после родов уходит из жизни его жена Екатерина, а вслед за ней умирает двухмесячная дочь. После этой трагедии Потапий, исполняя данный во время болезни обет, уходит по призыву в армию.

Его воинская служба проходила в 129-м пехотном Бессарабском полку, расквартированном в Киеве. По воскресениям в увольнительные Потапий любил посещать Киево-Печерскую Лавру и пещеры. Особенно часто он приходил к столетнему старцу Ионе Киевскому, духовному сыну преподобного Серафима Саровского. Незадолго до окончания воинской службы молодой унтер-офицер обратился к Ионе за благословением для поступления послушником в Лавру. Но старец посоветовал сначала совершить паломничество к святым местам в Палестине и Греции. В сентябре 1892 года Потапий вернулся домой и поступил на Ижевский завод. Летом 1893 года, заработав необходимые средства, он отправляется

за границу. Посетив Иерусалим и святую гору Афон, Потапий, после долгих колебаний и сомнений становится в январе 1894 года послушником Андреевского скита на Афонской горе.

Потапий очень скоро завоевал уважение и доверие монастырской братии. В Великий пост 1896 года Потапий был пострижен в рясофор и получил имя Пигасий, а спустя два года пострижен в мантию с именем Питирим. В 1901 году Питирим был послан на послушание на Афонское подворье Санкт-Петербурга как иподиакон и казначей обители. Спустя год он вернулся на Афон и 25 сентября 1904 года был рукоположен в иеромонаха. В обители брат Питирим продолжал занимать очень ответственную должность эконома. В его обязанность входило попечение о провизии для многочисленной братии и паломников. Иногда в праздничные дни приходилось готовить угощение для 5000 человек. Кроме того, под надзором Питирима в монастыре были построены новые кельи, гостиница и усыпальница, устроена мельница и впервые проведен водопровод.

Брат Питирим, зарекомендовавший себя с наилучшей стороны, и как усердный молитвенник, и как человек с отменной деловой хваткой, в 1911 году был назначен в город Одессу исполняющим обязанности настоятеля Афонского подворья, служившего местом для проживания и молитв паломников на Святую Гору Афон. Но вскоре для Питирима начались многие скорби, предсказанные ему в его пророческих снах.

«На подворье Афонском в Санкт-Петербурге в мае месяце 1901 года я видел сон:

Приходят на подворье 2 человека, необыкновенной красоты. Они и говорят:

— Собирайся, пойдём с нами.

Я спрашиваю:

— Куда?

Они отвечают:

— Тебя Царица назначила управлять кораблём, ехать нужно в море.

Я говорю, что я никогда не был матросом и управлять не могу, корабль потоплю и сам потону. Они сказали:

— Мы не можем тебя оставить, так как Царица послала, то ты должен идти.

Я пошёл. Приходим к Зимнему дворцу. У пристани на реке Неве стоит

красивое парусное судно, и мы взошли на это судно. И вдруг выходит Царица Матерь Божия и говорит мне:

— Вот ты этот корабль должен доставить на ту сторону океана. И всех этих людей, которых я тебе вручаю.

Я заплакал. Упал к ногам Божьей Матери и сказал:

— Я не могу.

Она говорит: «Не бойся, я сама буду тут с тобой», и сейчас же мне сказала:

— Командуй, чтобы судно выходило в море.

И сразу отплыли от берега, и быстро пошло судно по реке Неве. Вышли в море. И поднялась в море страшная буря. Наше судно идёт быстро и на него буря не влияет. В море мы встретили два громадных корабля, и на них масса людей, полные судна, и эти корабли изо всех сил бросает волнами в разные стороны. Отовсюду страшные волны. Вот, думаешь, сейчас погрузят их в пучину морскую. Мы быстро проехали мимо их, они остались посреди моря, а мы скоро после этого приплыли к берегу. На берегу такая красота, что описать невозможно: разные деревья, фрукты. Все мы вылезли из корабля на берег, и Матерь Божия мне сказала:

— Вот и переехали страшную пучину.

С тем я и проснулся. Об этом сказал отцу иеросхимонаху Амвросию. Он мне сказал:

— Всё это запиши и пока никому ничего не говори. Тебе Матерь Божия в лихую годину вручит управлять паствой Своею».

[В 1950-е годы Владыка Петр (Ладыгин) остался единственным каноническим епископом Русской Истинно-Православной Церкви.]

В январе 1913 года на Афон проникла ересь «имябожничества», учившая, что «в имени Иисус заключается Сам Бог». В Афонских монастырях начались ожесточенные споры и раздоры. Андреевский скит был силой захвачен сторонниками ереси во главе с иеромонахом Антонием Булатовичем, бывшим офицером и сыном богатого помещика. Но Питирим не стал подчинять самозванцу свое Одесское подворье. Позднее он изгнал из Одессы приехавших с Афона посланцев Антония.

В ответ иеромонах Антоний Булатович сам приехал в Россию, но едва не был арестован по представлению Синода. Глава афонских еретиков сбежал и при помощи покровителей добился заступничества со стороны императора Николая. Тогда архимандрит Питирим поехал в Санкт-Петербург и, навестив каждого из членов Синода, убедил всех послать

комиссию на Афон. В итоге усилиями комиссии Синода и правительства Греции ересь на Афоне была ликвидирована. Кроме того, Питирим сумел добиться личной аудиенции у самого Николая II. После встречи с императором он был приглашен на завтрак во дворец в Царском Селе. Сидя за одним столом с царствующей четой, княжнами и наследником, афонский монах не стушевался и сумел окончательно убедить собеседников в своей правоте.

В годы Первой мировой войны архимандрит на Афонском подворье открыл лазарет для раненых на 25 коек, а затем взял под свое управление два молдавских монастыря. За свои заслуги он был награжден наперсным крестом, а затем орденами Святой Анны 2-й и 3-й степеней.

В июне 1918 года недавно избранный Патриарх Московский и всея Руси Тихон вызвал Питирима из Одессы в Москву и благословил на поездку в Константинополь для вручения Вселенскому Патриарху уведомления об его избрании. Но для выезда архимандрита из Москвы потребовался пропуск от самого Ленина. Отец Питирим сумел добиться встречи с главой Советского государства. Ленин коротко расспросил монаха о его положении на Украине, напоил чаем и распорядился выдать необходимые документы.

Архимандрит сумел выехать за границу и посетить Константинополь. Выполнив поручение Тихона, Питирим в последний раз посетил родной ему Афон и вернулся в Россию с ответным посланием Вселенского Патриарха.

После возвращения архимандрит продолжал служить в Одессе. В 1923 году Питирим был арестован большевиками, а затем выслан вместе со всеми монахами афонских подворий из города. Он поселился со своей братией на хуторе Еремеевка в 60-ти километрах от Одессы. Через год архимандрит был снова арестован и отправлен в ссылку в Уфимский край. По дороге он посетил в Москве Патриарха Тихона и получил предложение стать епископом Ерамска. Но отец Питирим был болен, и он попросил Тихона отложить его рукоположение. Архимандрит уехал в Глазов, куда к тому времени переехали его родные. Но пока он лечился на родине, пришло известие о смерти Патриарха.

В уфимской ссылке Питирим основал тайный монашеский скит. 8 июня 1925 года архимандрит, согласно воле покойного патриарха Тихона и желанию верующих Уфы, приехал на станцию Теджен в Туркмении и был

тайно хиротонисан ссыльными владыками Андреем (Ухтомским) и Львом (Черепановым) во епископа Нижегородского (по названию одного из районов города Уфы).

Епископ Питирим вернулся в Башкирию и стал викарным епископом Уфимским. Жил в селе Воскресенском, в келье своего маленького тайного монастыря. Там он принимал верующих, лечил больных. 21 апреля 1927 года епископ Питирим принял схиму с именем Петр.

По своим убеждениям владыка принадлежал к так называемой Единой древлеправославной церкви (Андреевцы), возникшей благодаря знаменитому архиепископу Андрею (Ухтомскому), в 1925 году рукоположившего Петра в епископы. Это было одно из отделений «катакомбной» (т.е. подпольной) церкви, существовавшей независимо и от советских властей, и от Московской Патриархии.

Епископ Питирим, в схиме Петр, был творцом Иисусовой молитвы, имел дар слёз и прозорливости. Спал три часа в сутки, сидя в кресле, а ложился в постель только во время болезни. Живя в затворе, совершал полный афонский устав. В его правило входило 1350 поклонов поясных и 135 земных. Был высокого роста, широкоплечий, несмотря на преклонный возраст, фигура была прямая. Волосы на голове и бороде были белые и длинные.

Известно, что Схиеп. Петр вместе с близкими ему архиереями и верующим народом после мученической кончины Св. Тихона и ареста митр. Петра не признавал митр. Сергия (Страгородского) и его отступническую Декларацию 1927 г. За свое непризнание сергианского раскола он несколько раз подвергался заключению. 12 ноября 1935 г. он писал из Уфы проживавшему в Западной Европе еп. Аккерманскому Гавриилу:

Ваше Преосвященство Преосвященнейший Владыко, благословите!

Первым долгом прошу святительских молитв, дорогой Владыко Гавриил: как Вы живете? С 1920 г. мы с Вами не видались и не переписывались. Я Питирим, бывший настоятель Афонского Андреевского подворья в г. Одессе. Вашу мамашу похоронил, что нужно было, всё сделал. В 1923 г. наше подворье закрыли в апреле месяце, в Вербное воскресенье; я и вся братия отправились на хутор Еремеевку, там обрабатывали землю своими руками. В 1924 г. осенью, я поехал на родину, заехал к Св. Патр. Тихону,

он меня за св. послушание просил быть епископом Ерамска, но я был сильно слаб, и просил Святейшего побыть на родине и поправить здоровье, но там задержался, а Святейший в марте 1925 г. отошел ко Господу.

По просьбе народа, в 1925 г. восьмого июня меня поставили епископом в г. Уфу. Нижегородским еп. города Уфы, я был викарием до 1928 г., в г. Уфе, но в Российской Церкви пошли разные деления, то я ушел на покой, принял схиму с именем Петра, а в декабре 28 г. заболел неопределенной болезнью; болел до 1934 г., не думал быть живым, но Господь судил еще жить. В январе 1934 г. я выздоровел и возвратился в Уфу; теперь живу на покое, при моей кафедре, в праздники служу раннюю. Здесь наши верующие, и правящий еп. Руфин, митр. Сергия не признают, у нас автокефалия, до собора мы признаем и подчиняемся м. Петру Крутицкому.

Вас мы просим, не откажите прислать нам св. мира, литр или хотя пол-литра, здесь не из чего варить миро, даже чистого масла нет...» [На этом материал, находящийся у нас в редакции, прерывается].

(Цит. по: Из жизни Церкви в середине 30-х годов: Письмо схиепископа Петра // «Вестник РХД», № 120, 1977, с. 249; «Вестник РХД», №2, 1987 г.).

Также этот период жизни схиепископа Петра (Ладыгина) частично сохранился в его воспоминаниях, опубликованных в журнале «Церковная жизнь», орган РПЦЗ, № 7-8, 1985 г.:

После декларации 1927 года.

21-го апреля 1927 г., я принял схиму с именем Петра. По пострижении я ушел от управления Церковью и в Вознесенском, близ Четверопетровска, мне сделали келию, в которой я молился; никуда не выходил и не выезжал. А в праздники и воскресные дни, я выезжал в Четверопетровск, и иногда служил. Приходило очень много народу и привозили и больных. Епископ Иоанн, видя это, начал роптать, чтобы меня арестовали или убрали.

В 1926 г. митр. Агафангел (Преображенский) кончил свой срок, и из ссылки вернулся в Ярославль, т. к. он считался Ярославским, и все стали приезжать к нему. Тогда Тучков, с каким-то одним архимандритом, приехал к Агафангелу, и стал требовать от него, чтобы он передал свое управление Сергию. Митрополит Агафангел на это не согласился. Тогда Тучков заявил ему, что он сейчас же вернется опять в ссылку. Тогда

Агафангел, по слабости своего здоровья, и пробывши уже три года в ссылке, снял с себя управление и оставил законным Петра Крутицкого, до прибытия из ссылки первого кандидата на Патриаршего Местоблюстителя, митр. Кирилла [Казанского]. Я услышал об этом, и лично поехал к нему в Ярославль, и он мне сам объяснил свое положение и сказал, что теперь действительно остается каноническое управление за вл. Кириллом и временно, до прибытия вл. Кирилла, за митр. Петром. Сергия [Страгородского] и Григория [Яцковского] (как уклонившихся в расколы) он не признавал.

Я его спросил: как же нам быть дальше, если ни Кирилла, ни Петра не будет. Кого же мы должны тогда поминать. Он сказал: «вот еще есть канонический митр. Иосиф, бывший Угличский, который в настоящее время в Ленинграде. Он был назначен Святейшим Патриархом Тихоном кандидатом, в случае смерти Патриарха, меня, Кирилла и Антония». Иосиф был назначен в Ленинграде, а когда Сергей занял управление, то послал туда Алексея [Симанского], который теперь митрополит в Ленинграде. Иосифа же заключили и выслали в ссылку, а Алексей правил в Ленинграде, пока его не назначили Патриархом. Митрополит Кирилл, после Агафангела, через год, тоже кончил свою ссылку и прибыл в Казань. Тогда же, к митр. Кириллу прибыл в Казань, от митр. Сергия, Тучков, чтобы Кирилл снял с себя кандидатуру. Он не согласился, и его тотчас же сослали на новых 10 лет. В декабре 1928 г. меня больного, арестовали и привезли в Уфу в ГПУ. Я не мог идти по лестнице, и меня в ГПУ несли на руках. Со мной было восемь человек арестованных: священник Иоанн (Лысенко), который служил в Четверопетровске, Кузьма Панченко, служивший на Кузнецовской, Михаил Панченко, который служил на Рязановской; четыре монахини: Мария Смольникова, Алевтина Михайловна, Вера Сальникова и Христина Пашко. Сидели мы с декабря 1928 г.. В апреле 1929 г. над нами был показательный суд. Начался в понедельник, на страстной, и всю неделю, каждый день. В Страстную Субботу, в шесть часов утра, нам вычитали приговор: мне и Марии Смольник — по два года тюремного заключения, и пять лет вольной высылки из Башкирии. Иоанну Лысенко — один год, Кузьме и Михаилу Панченко, по одному году и пять месяцев, Алевтине Михайловой и Христине Пашко — по шесть месяцев. Священник Иоанн Лысенко и

Панченковы срок закончили и были освобождены, а я и Мария по одному году и девять месяцев в тюрьме.

Всех нас — 270 человек, поместили в один барак, переписали по списку, на сколько осуждены, и объявили: «идите, кто куда хочет, в город, и питайтесь на свой счет. И сами себе ищите квартиры». Мы ушли из барака в июне 1930 г..

В сельсовете, ссыльными на квартирах были: 5 епископов, 450 священников и диаконов. Молиться сходились все в одну церковь. В это время в России было напечатано в газете митрополитом Сергием декларацию и интервью, что у нас мол торжествует Православие, никто не сослан и не арестован за церковное дело, а те, кто сосланы, так это противники советской власти. Когда эту газету прочитали, то в церкви был большой плачь; все плакали, а когда запели «Заступнице Усердная», то уже и вся церковь рыдала.

10 июля 1930 г. меня освободили от ссылки, потому что мы подавали в Москву прошение, в главное управление ГПУ, что мы неправильно сосланы в Архангельск, в ссылку. Я писал, что по суду был осужден на два года тюрьмы и пять лет вольной высылки, а нас сослали в ссылку. Из Москвы пришла бумага, чтобы нас освободить и 11 июля нас выпустили. Мы поехали вольно, кроме пяти городов. Избрали себе г. Ашу, и переехали туда 20 июля. За неимением квартиры, поселились на пасеке в лесу, у гражданина Холодилина. Там прожили мы 5 месяцев, до Рождества, когда нас снова арестовали. Когда нас арестовали, то повезли в Челябинск. Там меня несколько раз допрашивали: «почему ты не признаешь митр. Сергия и нелегально открываешь церковь?».

Я отвечал: «не могу признать Сергия, потому что он был обновленцем, и по нашим святым канонам он неправильно занял это местоблюстительство Патриарха». Тогда из Челябинска меня отправили в Свердловск. После моего отправления в Челябинск, приехала с передачей Александра Крышкова, и стала обо мне спрашивать: «Куда вы дели Владыку Ладыгина?». Ей ответили: «хочешь его видеть?» Она сказала, что да. Ей дали бумагу, карандаш, и сказали: распишись. Она расписалась, и ее тут же и арестовали и привели в Челябинскую тюрьму, где уже были Ольга Крышкова, Мария Смольникова, Христина Пашкова. Те все очень удивились, и были и радость и плачь. Они все в челябинской тюрьме

просидели около года, и всем им дали по три года в лагере отбыть, а меня продержали в Свердловске шесть месяцев в подвале, а потом перевели в общий корпус. В конце 1931 г. меня увезли в Москву, где в Бутырской тюрьме меня держали полтора месяца. Из Москвы переслали в Ярославль, где я пробыл два года. Когда я отбыл свой срок, меня освободили. В 1933 г. в Уфе мне выдали паспорт, и я уехал на родину в Глазов, где пробыл два с половиной года. Затем меня снова вызвали в Уфу. Там епископ Руфин хотел меня задержать. Из Уфы я уехал в мае 1936 г. Во время пребывания в лагере было запрещено носить крест. Мария Смольникова, Ольга и Александра Крышковы не согласились снять креста, а Христина Пашко согласилась, и сняла. По окончании срока Христину освободили вообще, а Марии, Ольге и Александре дали еще по три года вольной ссылки и отослали в Вологду. Там они все трое и были. Я два раза с родными ездил их навещать. На родине я пробыл до 1937 г., и в этом же году поехал в Калугу, где жил до 1940 г. В июле мы переехали в Белорецк, где жили до 1945 г.. Жили спокойно, занимались земледелием и дома молились. Врагу это было противно, и он нашел людей, которые предали нас на новые страдания. Вот, пусть верующие знают, как страдают пастыри за чистоту Церкви.

[Воспоминания кончаются припиской, сделанной на обложке тетради уже другим почерком:]

«Питирим (Ладыгин), в схиме епископ Нижегородский, в г. Уфе, Башкирия. С 1928-9 г.г. после арестов, проживал в разных городах и местах России. Умер в Глазове на 91-м г. жизни. Несмотря на глубокую старость и схиму не бросал Церкви, за неимением правящего епископа».

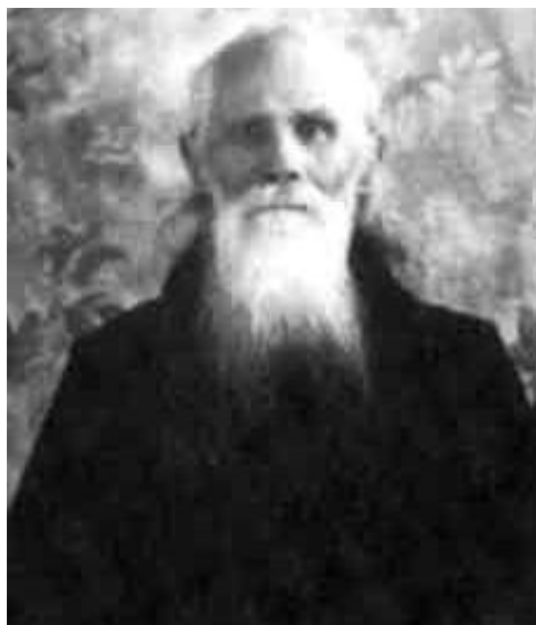
«Церковная жизнь», орган РПЦЗ, № 7-8, 1985 г.

Священноисповедник Схиэпископ Петр (Ладыгин) был последним каноническим епископом ИПЦ и ее негласным Предстоятелем. За свою верность Истинному Православию и непризнание советской церкви он неоднократно подвергался арестам, заключениям и угрозам расстрела. Как известно, в декабре 1928 г. он был арестован по делу "филиалала ИПЦ". Приговорён к 3 годам ИТЛ. С 1931 по 1933 в заключении. После освобождения с 1934 по 1937 скрывался в Глазове. С 1937 по 1940 на нелегальном положении в Калуге, с 1940 по 1945 в Белорецке (Башкирия). В 1945 арестован в Уфе. Приговорён к 5 годам ссылки в Среднюю Азию.

Здесь бежал, скрывался в горах. С 1949 по 1951 скрывался в Белоруссии и на Кубани. Схиерарх Петр (Ладыгин) до конца своих дней остался верным иерархом Катакомбной Церкви. Он объединял различные группы катакомбников на территории СССР, для которых им было рукоположено много тайного священства. В последние годы жизни он пребывал в затворе, а свои распоряжения передавал через доверенных тайных монахов и священников. Одним из таких связных был о. Тимофей (Несговоров).

Окончил многострадальную жизнь свою этот известный иерарх Катакомбной Церкви в полной изоляции, будучи глубоким старцем, к тому же слепым, в возрасте 91 года — 6 февраля (ст. ст.) 1957 г. (по другим данным — 2 июня 1957 г.) в г. Глазове (Удмуртия). Ушел из жизни 19 февраля 1957 года в 3 часа ночи в возрасте 91 года. Схиерарх, как и многие старцы, заранее знал день своей смерти, знал, что его едет отпевать игумен Арсений, знал, что поезд опаздывает на четыре часа, и даже хотел отпеть себя сам. Как только приехал игумен Арсений и произнес, войдя на порог: «Прощаю и разрешаю грехи твои», Петр сразу же предал дух Господу. Владыка завещал похоронить его без гроба по Афонскому уставу. Он просил: «Когда после моей смерти будете раздать милостыню, просите людей, чтоб поминали плотника Петра...».

Катакомбные верующие, ухаживающие за могилой Священноисповедника Петра, свидетельствуют о случаях исцеления от болезней после молитв на могиле схиерарха.

Схиерископ Петр (Ладыгин), уже ослепший, примерно лет за 5 до кончины